

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2015–2016 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 9 КЛАСС**

Часть I. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (30 баллов)

Прочитайте отрывок из статьи Н.Г. Чернышевского «Не начало ли перемены? (Рассказы Н.В. Успенского. Две части. Спб. 1861 г.)» (1861) и выполните задания.

«Видите ли, теперь, Акакий Акакиевич имел множество недостатков, при которых так и следовало ему жить и умереть, как он жил и умер. Он был круглый невежда и совершенный идиот, ни к чему не способный. Это видно из рассказа о нём, хотя рассказ написан не с тою целью. Зачем же Гоголь прямо не налегает на эту часть правды об Акакии Акакиевиче, – на эту невыгодную для Акакия Акакиевича часть правды, выставленную нами?

Мы знаем отчего. Говорить всю правду об Акакии Акакиевиче бесполезно и бессовестно, если не может эта правда принести пользы ему, заслуживающему сострадания по своей убогости. Можно говорить об нём только то, что нужно для возбуждения симпатии к нему. Сам для себя он ничего не может сделать, будем же склонять других в его пользу. Но если говорить другим о нём всё, что можно бы сказать, их сострадание к нему будет ослабляться знанием его недостатков. Будем же молчать о его недостатках.

Таково было отношение прежних наших писателей к народу. Он являлся перед нами в виде Акакия Акакиевича, о котором можно только сожалеть, который может получать себе пользу только от нашего сострадания. И вот писали о народе точно так, как писал Гоголь об Акакии Акакиевиче. Ни одного слова жёсткого или порицающего. Все недостатки прячутся, затушёвываются, замазываются. Налегается только на то, что он несчастен, несчастен, несчастен. Посмотрите, как он кроток и безответен, как безропотно переносит он обиды и страдания! Как он должен отказывать себе во всём, на что имеет право человек! Какие у него скромные желания!

<...> Читайте повести из народного быта г. Григоровича и г. Тургенева со всеми их подражателями – всё это насквозь пропитано запахом “шинели” Акакия Акакиевича».

- 1) Выпишите слова Чернышевского, с помощью которых он рисует образ Башмачкина (5 баллов).**
- 2) Согласны ли вы с мнением Чернышевского об Акакии Акакиевиче Башмачкине? Согласитесь с этим мнением или опровергните его (от 0 до 18 баллов; оцениваются связность, доказательность и логичность изложения, опора на текст повести, а также язык, стиль и грамотность).**

3) Что, по мнению Чернышевского, можно назвать «запахом “шинели” Акакия Акакиевича» и почему авторы повестей из народного быта, согласно Чернышевскому, пропитаны этим запахом (от 0 до 7 баллов; оцениваются связность, доказательность и логичность изложения, опора на текст повести, а также язык, стиль и грамотность)?

Часть II (40 баллов)

Выполните целостный анализ предложенного произведения.

Выберите ОДИН из предложенных вариантов.

Вариант 1. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Андрей Платонович Платонов (1899–1951)

СЧАСТЛИВЫЙ КОРНЕПЛОД

Младший лейтенант интендантской службы Пётр Феофанович Харчеватых служил в управлении тыла одной армии и был известен своей инициативностью. Главное свойство Петра Феофановича состояло в том, что, как только он посмотрит на что-либо, на любой предмет или даже на естественное явление, так тут же почувствует, что этот предмет необходимо улучшить или направить его заново или же, по крайности, следует принять в отношении его хотя бы косвенные меры, но оставлять вещь так, как она существует, ни в коем случае нельзя.

В дополнительные свойства Петра Феофановича входила также его способность заботливо продумывать каждое дело до самого его конца и даже немного далее. Эта полезная озабоченность, однако, хорошо и доброкачественно влияла на здоровье Харчеватых. Ему было сейчас уже, видимо, достаточно много лет, хотя и нельзя сказать – сколько именно в точности: у него была та наружность, которая могла соответствовать возрасту от тридцати до шестидесяти лет; во всяком случае, можно было сказать, что этот человек жил ещё свою первую сотню лет. Но упитанное тело его постоянно сохраняло деятельную подвижность, а большое, просторное лицо его, на котором малозаметны были маленький нос, пухлый младенческий рот и еле видные глаза, – это лицо его постоянно улыбалось всею своей почти пустой площадью, словно человек непрерывно находился в блаженстве. Может быть, по этим очевидным признакам тыловики прозвали Петра Феофановича счастливым корнеплодом; его наружность, действительно, имела родство с полной картофелиной-перестарком или, ещё точнее, с весовой гирей, если последней сообщить мечтательное выражение.

Недавно начальство совсем уже пожелало было представить младшего лейтенанта Харчеватых к повышению в звании, но затем раздумало и отложило вопрос впредь до выяснения всяких неясностей. Говорили, что самому начальнику тыла армии, генерал-майору, была ещё неясна сущность младшего лейтенанта Харчеватых и он хотел определить её лично. Сам же пожилой

младший лейтенант Харчеватых не заботился о ясности; он заботился о красоте и пользе, которые можно создать из подручного утиля.

В одном разрушенном населённом пункте Харчеватых увидел уцелевшую кузницу. Ему достаточно было беглого взгляда на дело, и он сейчас же стал заботливо думать, что здесь нужно, а что вредно, что нуждается в немедленном усовершенствовании и что бывает на свете лучше кузницы. Обдумав весь вопрос до конца и далее, Харчеватых распорядился ту кузницу немедля переделать в баню. Однако посреди самого разгара строительства, когда кузница уже была наполовину разобрана, а баню складывать ещё не начинали, Пётр Феофанович Харчеватых неожиданно понял, что пекарня ещё лучше и нужнее, чем баня, и испросил разрешения воздвигнуть пекарню. Тем временем, пока из кирпичного боя нестройные бойцы создавали пекарню, в тыл прибыла на ремонт кавалерийская часть – и стало ясно, что кузница лучше пекарни и бани, потому что нужно ковать лошадей. Тогда Харчеватых обратил всё строительство вспять и приказал строить кузницу обратно. Но тут объявилось, что, пока строили одно из другого, а затем другое перестраивали в третье, весь материал истратился и раскрошился в промежутках.

Теперь тыловому начальству неясное стало ясным, и оно, вместо того чтобы создать из младшего лейтенанта Харчеватых лейтенанта Харчеватых, обратило его в старшину и назначило действовать в области культуры. Это мероприятие, однако, лишь добавило доброй энергии в Петра Феофановича, хотя он и до того часто бывал весь в поту от усердия и усиленного размышления. Теперь же он решил, что его инициативы было явно недостаточно, раз она не получила должной оценки. Вскоре тылы армии, двигаясь вперёд, проходили по моховым болотам. Жалея, что здесь нету оленей для утилизации в пищу болотного мха, но вместе с тем не допуская, чтобы государственное имущество погибало втуне, старшина Харчеватых задумал научно перевоспитать всех наличных интендантских коз, дабы они даже при нежелании ели мох. Но скорое движение вперёд не дало сроку, чтобы можно было осуществить это мероприятие.

На дальнейшем этапе, при прохождении по ореховым кустарникам, Харчеватых наметил улучшение в отношении использования орехов. Он требовал сбережения орехов от хищного и малокультурного поедания их бойцами, дабы весь урожай орехов был использован в высшей экономической форме, а именно: следует из тех орехов добыть путём технического нажатия ореховое масло, а масло употребить для протирки стёкол в оптических приборах; по расчёту выходило, что на каждое оптическое стекло требуется в год две капли масла, следовательно, один ореховый куст даст приблизительно масла для десяти артиллерийских дивизионов, а небольшая ореховая роща обеспечит полностью всю потребность фронта на четырнадцать лет непрерывных наступательных военных действий. Начальство приказало старшине

Харчеватых держаться ближе к исполнению своих обязанностей, и Харчеватых сейчас же послушался.

В дальнейшем походе вперёд тыловое хозяйство части остановилось однажды невдалеке от умершего в огне и бою лесного насаждения. Сосны, посаженные здесь лет пятнадцать-двадцать тому назад для укрепления летучих песков, не успели возмужать и погибли в молодости. Теперь их худые тела, без ветвей и зелени, безмолвно держались в земле, как частокол чёрных костей какого-то полузакопанного великого доброго животного. Иные мёртвые деревья ещё стояли прямо, но другие уже склонились под бурею артиллерийской битвы, погубившей их, и они уже не встали обратно. В одном же месте чёрные обгорелые сосны лежали вовсе вповал на земле: их убил огонь и опрокинул ветер от взрывных волн. Однако кое-где тонкая, слабая жизнь уже занялась возле омертвелых деревьев; малолетняя поросль сама по себе держалась в земле у корней старших деревьев, и она не умерла – гибкие хлысты её не сломались от ураганных ударов огня, и ветви с остьями зелёных игл лишь были опалены, но не сгорели насмерть, потому что поросль была низкой и её защищали материнские сосны, принимая удары ветра и огня на свои высокие тела и погибая.

На опушке того пескоукрепительного древонасаждения виднелась ещё одна ночная труба, оставшаяся от погорелой избушки, в которой жил, должно быть, в мирное время лесной сторож-старичок. Харчеватых сразу сообразил своей действующей мыслью, что тут можно и необходимо нужно улучшить, использовать и организовать для постановки культработы: он сразу и однократно решил превратить это уголье в парк культуры, гимнастики и отдыха.

Ради того в одно светлое майское утро Харчеватых пошёл в обход всей лесной посадки, имея при себе топор и лучковую пилу. Он хотел подумать, попланировать и разметить на месте, как оно тут всё должно быть и непременно будет. В чёрном лесу было тихо и безлюдно; только по низу земли свежела оживающая зелень молодой поросли леса и над нею летали бесшумные бабочки да у печного очага погоревшей избы, что была на опушке, стоял неизвестный красноармеец с непокрытой головой.

Харчеватых вышел к той погорелой избушке, посмотрел оттуда на ближнюю местность, сообразил, и оттуда ему всё стало понятным и определённым. Он тут же начал подпиливать и подсекать горелые деревья, а зачавшуюся поросль сносил вовсе топором, чтобы она не мешала его мероприятию. Харчеватых хотел пока что лишь наметить круговую линию, внутри которой следует затем уничтожить всё начисто, дабы образовать там первоначальную площадку для всевозможных игр и танцев. Повалив несколько деревьев и посекавши поросль возле них, далее Харчеватых удовлетворился одной зарубкой на стволах; ему достаточно было, как руководителю культработы, только очертить границу круга будущего веселья. После того

Харчеватых подошёл к печному очагу и ударил топором по обгоревшим кирпичам, чтобы обрушить это безобразие, портившее будущий пейзаж.

– Что вы делаете? – испуганно спросил красноармеец, бывший дотолё безмолвным. – Тут наш дом был, тут мой отец с матерью жили...

– А где ж они? Их теперь тут нету! – сообщил Харчеватых. – А неблагоприятность эта нам ни к чему, она настроение нам портит!

– А зачем вы это всё делаете, к чему вы тут хлопчете, когда у меня сердце болит? – тихо спросил красноармеец.

– Как зачем, как к чему? Вот тебе раз! – удивился Харчеватых. – Нам так, стало быть, нужно! Обгорелые деревья на корчёвку, почву спланировать вровень в одну площадку, а сверху мы парк устроим: карусели, фруктовая вода, бой конфетти, ребята на баянах заиграют, кормлёные девки придут и лодыри с ними – на отдых, на развлечение ума и развитие мускулов, и ты приходи тогда, если здесь ещё будешь, – чего на домашней разрухе торчишь? – ну был дом с отцом, и нету его, – эка штука – дом с отцом! – другой со временем организуешь, без отца проживёшь! – а сейчас ступай отсюда прочь, дай мне сообразить!

– А зачем, зачем же здесь парк культуры устраивать! – не понимая, спросил красноармеец. – Кругом же пустая степь, там свежая земля...

– Стало быть, что вот как раз так надобно, что именно тут, а там в степи нам неинтересно, – подробно объяснил Харчеватых. – Чего тут горелому, побитому лесу зря находиться! Жителей здесь нету, и уж считай, что всё про здешнюю местность навеки забыли...

– А я не забыл, – произнёс красноармеец. – И забыть никогда не могу...

Старшине Харчеватых стало досадно, что постоянно и повсюду есть помехи его неотложным прогрессивным начинаниям:

– Ну ладно – не забыл! Памятливый какой! – дай вот всё отсюда прочь уберём, всю эту природу, и ты всё позабудешь: того места тогда, где сейчас стоишь, нипочём не найдёшь: тут ферверок будет иль квас по кружке отпускать – от жажды. Нам наслаждаться пора! Понял теперь?

– Нет, – удивленно сказал красноармеец. – Я того не понимаю.

– Потом поймёшь – не враз!

– Не пойму, товарищ старшина, – робко говорил красноармеец. – Если б я понял, я бы вам работать помог...

– Чего ты не поймёшь? Я для тебя же и для вас таковых стараюсь! Ты хоть постепенно старайся понимать!

– Я стараюсь, – произнес красноармеец, – а никак не могу... По нашей области в прежнее время пески двигались, их ветер целыми тучами поднимал, товарищ старшина, и они у нас удобные земли губили, от них угодыя плохо рожать начинали, вода в прудах иссыхала и реки мелели...

– Ну и что ж тут такого! – недовольно удивился Харчеватых. – Это вполне понятно!

– Потом у нас на летучих песках леса посадили, и пески угомонились, – говорил далее красноармеец. – Сосны выросли и стали на страже, как бойцы. А теперь опять растопчут танцами пески, и они полетят на хлебные поля...

– Что ж, я, что ль, буду тогда, по-твоему, виноват! – воскликнул Харчеватых. – Всё одно тут лес замертво лежит!

– Нет, товарищ старшина, – ровным голосом говорил красноармеец, – лес этот живой, в нём новая поросль пошла, а деревья постарше тоже не все умерли, многие потом оживут, я здесь вырос и знаю – деревья валит буря, убивает молния, а они опять потом живут или у них дети бывают...

Харчеватых слушал, а сам улыбался знающим, довольным, обширным лицом:

– Так ты же чушь и невежество мне говоришь, отсталый ты человек! Ты приходи ко мне в четверг на консультацию – я тебе всё объясню в целости. Ты науки и техники давно не знаешь! Теперь же нам песок дороже хлеба, может быть, нужен! Из песка же оконное стекло делают! А сколько нам нужно стекла? Да стекло это тоже ещё мало дело. Из стекла теперь материю, шерсть и сукно готовят! Понял теперь? А в будущем и ещё достигнут кой-чего – может, ты сам будешь ещё варенье кушать из песчаного сырья... Песок разводить нужно, а не губить его! У тебя, я вижу, какое-то неверие во что-то есть! – И Харчеватых тут же начал ворочать тяжёлый остаточный камень из-под фундамента избышки, изнемогая в усердии ради желанной цели. – Ишь ты, дьявол, неподатливый какой!.. Смешно и забавно тут будет! Мороженое, компот в чашках, двор смеха в загородке. Я в больших довоенных населённых пунктах бывал – в Москве, в Борисоглебске – и всё там видел, всё постиг, а теперь обратно свою науку стране отдаю... И тут же силомер будет и труба – на звезды глядеть: где, что и как там, отчего всё произошло и куда потом денется; оказывается, мы всё из тумана явились – так выходит по науке. А дальше – дальше ещё лучше будет!..

Харчеватых возбудился от своего воображения и кричал тонким, но убеждённым голосом из маленького рта, расположенного посреди большого, пространного лица, полный явственного представления о близком будущем времени.

– Дальше – вон видишь где – там буфет откроют: харчи, жидкие напитки, вафли, изюм, простокваша, блины, холодец, горячая говядина – что хочешь! Тут целый парад красоты будет, тут прелесть что такое начнётся! А ты что стоишь? Говори – хорошо ведь получится?

– Хорошо, – коротко и задумчиво сказал красноармеец.

– А горелое, павшее дерево это тоже в дело пойдёт, а золой и мусором мы овраги засыплем, – я всему найду своё улучшение... А сам я потом, если мне состариться когда-нибудь придётся, сам я силомером здесь буду заведовать либо конфеты в бумажки заворачивать, – лёгкая, чистая работа! Туда-сюда, и

день прошёл, и не утомился, и деньги заработал, и сыт по горло: везде же знакомство: и на кухне, и в буфете – где пирожок возьмёшь, где жамку, где шей с ходу похлебаешь... Так и жизнь доживёшь – незаметно, а приятно, в полный аппетит, культурно, с удовольствием, чувствительно и неутомимо вперёд!..

И здесь Харчеватых, расшевелившийся всем своим вспотевшим туловищем, запел от радости песню затейников:

Ту-ту-ту-ту: паровоз!

Пыр-пыр-пыр-пыр: ледакол!

Ту-ру-ру-ру: самолёт!..

Однако Харчеватых не успел закончить эту песнь веселья, потому что он увидел начальника тыла армии, генерал-майора, стоявшего невдалеке и, наверно, уже издавна слушавшего его. Генерал молча дышал тяжёлым сердцем и ничего не произносил, ни осуждения, ни наставления. Харчеватых сейчас же явился на всякий случай перед лицом генерала и вытянулся, как следовало по службе, замерев дыханием. Генерал тихо плакал печальными слезами.

– Разрешите обратиться, товарищ генерал-майор!

– Обращайтесь, обращайтесь, старшина.

Харчеватых тут же сообразил, как нужно немедленно улучшить состояние генерала.

– Я больше не буду, товарищ генерал-майор... Я сейчас же подвину камень обратно на место, а всю поросль, что ошибочно, бессознательно я топором нечаянно повредил, я нынче же посажу обратно, и она ещё лучше будет расти. А деревья, какие чуть-чуть я подсёк, так я им ранки глиной замажу, они ничего не почувствуют. А что повалил я там одну или две сосны – это нам на пользу пойдёт, на кухню всё равно топливо неминуемо нужно... Я теперь, товарищ генерал-майор, всё ясно предвижу, что мне необходимо немедленно делать!

– А вот что нам с тобой надо делать, счастливый корнеплод, я не предвижу! – сказал генерал.

– Разрешите – я умру за отечество! – попросился Харчеватых. Генерал отёр платком лицо и задумался.

– Нет, того не надо, корнеплод! Не всякая смерть нужна отечеству, и даже подвиг ему не всякий полезен.

– А я всё равно, товарищ генерал-майор, геройствовать буду – на любой области поприща!

Генерал посмотрел на Петра Феофановича Харчеватых и опять заплакал.

(1943)

Вариант 2. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА

Ольга Александровна Седакова (род. 1949)

СКАЗОЧКА

Спи, а мы поговорим.

Три восточные царя
водят пальцем по бумаге
и, губами шевеля,
слог приклеивают к слогу:
слог, похожий на дорогу.
Небо связное горит,
как арабский алфавит.

Спи, дорога далека.

Гласный гласному кивает,
слово дышит глубоко
между связок, перстневидным
забавляется хрящом:
слышен треск кнутов пастушьих,
виден блеск звонков верблюжьих
над расширенным песком.

Спи, доедем до утра.

Доживём до продолженья,
где рука в любом движении
не смеётся над собой;
где не будем для усмешки
губ от речи отрывать:
нужно слово пеленать
сном, терпеньем и здоровьем
и дыханием воловьим,
нужно спать.

Нужно спать уже, звезда,
засыпая, развернулась
перед входом на восток,
как летающий цветок.

(1975)

Максимальное количество баллов за работу – 70.